

М. В. КУКУШКИНА

Новая повесть о событиях начала XVII в.

События «Смутного времени» нашли широкое отражение в исторических повестях начала XVII в., большинство из которых не только опубликовано, но в результате работ С. Ф. Платонова¹ и ряда советских исследователей² достаточно изучено. Публикуемая ниже «Повесть о избавлении града Устюга Великаго от безбожные литвы и от черкас как з Двины шли» является вновь найденным памятником начала XVII в., посвященным событиям, связанным с обороной Устюга в последние годы борьбы русского народа против польско-шведской интервенции.

«Повесть» находится в сборнике, ранее принадлежавшем Красногорскому монастырю, а в настоящее время хранящемся в Рукописном отделе БАНа под шифром Арханг. К. № 51. Сборник в 4-ку, писан скорописью разных почерков. Он состоит из двух самостоятельных рукописей: первая рукопись занимает лл. 1—240, датируется 30—40-ми годами XVII в. и представляет собой сборник разнородных статей и памятников; вторая, занимающая лл. 241—388, датируется второй половиной XVII в. и содержит всего один памятник — «Историю иудейской войны» Иосифа Флавия³

«Повесть о избавлении града Устюга» помещается на лл. 97 об. — 118 в первой рукописи. В этой рукописи, сравнительно пестрой по содержанию, непосредственное окружение «Повести» составляют памятники, общие с ней по идеям и близкие ей по описываемым событиям и времени создания. Это ранние редакции двух повестей — «Повести о видении некоему мужу духовну» (л. 76) и «Плача о пленении и о конечном разорении Московского государства» (л. 80), а также неизвестная в литературе повесть о пожаре, бывшем в 1610 г. в Устюге, под названием «О страховании во граде Оустюзе велицем» (л. 91 об.). Все вместе эти повести составляют в сборнике сравнительно редко встречающийся в рукописях специальный подбор исторических повестей начала XVII в., сделанный, как можно предполагать благодаря наличию среди этих повестей двух повестей об Устюге и факту принадлежности сборника Красногорскому монастырю, находившемуся недалеко от Устюга, жителем Устюга Великаго.

¹ С. Ф. Платонов Древнерусские сказания и повести о смутном времени как исторический источник СПб., 1913.

² А. А. Назаревский Очерки из области русской исторической повести начала XVII столетия Изд. Киевского университета, 1958. О других исследованиях см. О. А. Державина Обзор работ по изучению литературных памятников первой трети XVII в. — ТОДРЛ, т. XIII М.—Л., 1957, стр. 672.

³ Два памятника из этого сборника были ранее предметом специального изучения: в 1954 г. В. Ф. Покровская опубликовала «Слово Даниила Заточника» по списку данного сборника (ТОДРЛ, т. X М.—Л., 1954, стр. 280—289), Н. А. Мещерский описал текст нашего списка «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия при издании этого произведения в 1958 г. (Н. А. Мещерский «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 20).

По содержанию «Повесть» можно разделить на три части. Первая часть — вступление, в котором в духе официальной книжной традиции, с религиозным акцентом, кратко повествуется о событиях русской истории: принятии христианства, венчании на царство Ивана Грозного и событиях «Смутного времени». Вторая и основная по исторической значимости часть посвящена подробному описанию борьбы, разгоревшейся на подступах к Великому Устюгу в 1613 г. между устюжскими ратниками, возглавляемыми двумя воеводами — М. А. Нагим и Г. Г. Пушкиным, и польско-литовскими отрядами. Третья часть посвящена истории создания Варлаамовской церкви в г. Устюге как «следствию» всех предшествующих событий.

Хотя «Повесть о избавлении града Устюга» публикуется впервые и в литературе нет определенных указаний на ее рукописные списки, тем не менее ее содержание было известно в исторической литературе. В середине XVIII в. фактические данные «Повести» частично были использованы Л. Вологиным при составлении Устюжского летописца,⁴ а в 1889 г. при составлении Великоустюжской летописи А. А. Титовым был процитирован текст, дословно совпадающий с текстом «Повести». Однако А. А. Титов в числе источников своей летописи называет не «Повесть», а 28-е «Чудо св. Прокопия и Иоанна, како, избавиши град Великий Устюг от нахождения польских и литовских людей 1613».⁵ Это «Чудо», обозначенное среди других чудес 28-м, является составной частью Жития Прокопия, встречающегося в полном составе крайне редко.

Сличение двух памятников — нашей «Повести» и «Чуда»⁶ — привело нас к выводу о текстологической близости обоих памятников, хотя между ними и имеются различия. Помимо многих незначительных смысловых и языковых отличий, которые подробно мы охарактеризуем ниже, в тексте «Повести» имеются два больших отрывка, отсутствующие в «Чуде». Это авторское вступление и рассказ о двух последних случаях чудесного исцеления во вновь выстроенном храме. Таким образом, несмотря на общность прототипа для обоих памятников, один из памятников является позднейшей переделкой другого.

Встает вопрос: текст какого из двух памятников является первоначальным? Добавил ли автор «Повести» вступление и рассказ о двух случаях чудесного исцеления к уже готовому тексту «28-го Чуда» из Жития Прокопия Устюжского или «28 Чудо» является житийной переделкой «Повести»? Только текстологическое сравнение обоих памятников при ограниченном количестве списков не позволяет прийти к определенному решению. Но о первичности текста «Повести» говорит уже тот факт, что именно «Повесть» известна нам в списке 30—40-х годов XVII в., а списки «Чуда» не ранее конца XVII в. К этому выводу подводит и анализ идейной сущности и задач обоих памятников. Автор «Повести», ставивший перед собой целью прославление бога за милость, оказанную устюжанам, и изложение истории создания храма в честь святого Варлаама Хутынского, выходил

⁴ Устюжский летописец. Вологда, 1874.

⁵ А. А. Титов. Летопись Великоустюжская XIII—XX вв. М., 1889.

⁶ Нам известно три списка «28-го Чуда» Прокопия Устюжского: один список в сборнике XVIII в., принадлежащем ГПБ (собр. Погодина, № 748), два других в составе «Жития преподобного Прокопия Устюжского», изданного ОЛДП (вып. СIII, СПб., 1893, стр. 196—220). В основу данного издания положен самый ранний из известных нам списков Жития Прокопия Устюжского, содержащих «28-е Чудо» (ГБЛ, собр. Ундольского, № 362, по датировке С. А. Клепикова — конец XVII—начало XVIII в.). А. А. Титов, ссылаясь на источники устюжских событий, называет неизвестный нам сборник Брагина, датированный тоже XVII в. (Летопись Великоустюжская XIII—XX вв., стр. XI).

далеко за рамки тех задач, которыми мог бы руководствоваться составитель Жития Прокопия Устюжского. В самом деле, зачем было составителю нового текста «Чуда» Прокопия прославлять наряду с подвигами этого святого подвиги других святых — Иоанна Устюжского и главным образом Варлаама Хутынского? Напротив, имея готовый текст «Повести», где наряду с подвигами Варлаама Хутынского и Иоанна Устюжского упоминается и Прокопий Устюжский, составитель Жития, отбросив обширное авторское вступление и рассказ о двух чудесных исцелениях, связанных в основном с именем Варлаама Хутынского, ввел чудо об избавлении града Устюга в Житие Прокопия под № 28.⁷

Языковые разночтения двух памятников, хотя и незначительные, также подтверждают, на наш взгляд, более раннее происхождение «Повести» по сравнению с «Чудом». Приведем несколько примеров: определение «русский народ» заменено в «Чуде» более поздним «российский народ», «гаражане» — «градские люди» и т. д.

Попутно отметим разночтения между обоими памятниками фактического порядка. В «Чуде» отсутствуют сведения об освобождении после победы над интервентами ранее плененных русских в количестве 300 человек; цифра убитых в «Чуде» указана 200, тогда как в «Повести» — 500. Кроме того, в «Чуде» отсутствует текст о дальнейшей судьбе интервентов, после разгрома их под Кичменгской. С другой стороны, в тексте «Чуда» имеется незначительный отрывок фактического содержания (мы печатаем его в примечаниях к публикуемому тексту «Повести»); отсутствие его в тексте «Повести» можно объяснить либо дефектностью оригинала, с которого был сделан наш список «Повести», либо случайным пропуском писца, переписывавшего его.

Возвращаясь к изучению «Повести» как исторического источника, еще раз отметим, что «Повесть» посвящена конкретным событиям, которые не нашли отражения в других современных ей документах. На основании сведений, имеющихся в литературе и источниках, можно воссоздать следующую картину событий, непосредственно связанных с событиями, описанными в «Повести». Летом 1612 г. основные силы польских интервентов были разгромлены под Москвой. Два польско-литовских отряда, состоявшие главным образом из черкас, т. е. запорожских казаков, ушли на север, где поздней осенью 1613 г., объединившись со шведскими войсками под Тихвином, принимали участие в походе к Белому морю, организованном Делагарди с целью захвата Холмогор.⁸ До присоединения этих отрядов к шведским войскам они бродили по северу Русского государства, разоряя города. В сентябре 1612 г. «польские и литовские люди с черкасами и казаками и русскими ворами пришед на Вологду безвестно изгоном»,⁹ в декабре они грабили Прилуцкий монастырь,¹⁰ Тотемские места, а 22 января были в городе Сольвычегодске, где жили три дня и «уехали мимо города Устюга на реку Юг». ¹¹ В «Повести» описываются события, имевшие место через три дня после захвата Сольвычегодска, т. е. 25 января 1613 г., на под-

⁷ В ГПБ (собр. Погодина, № 749) имеется рукопись, содержащая текст полного Жития Прокопия и Иоанна, оканчивающегося 27-м чудом и датированного по филиграну 1654 г. Исходя из этих данных, можно предположить, что к середине XVII в. редакция полного Жития Прокопия и Иоанна состояла из 27 чудес.

⁸ И. П. Шаскольский. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950, стр. 107.

⁹ Вологодский летописец. Вологда, 1874, стр. 27.

¹⁰ Там же, стр. 28.

¹¹ Алексей Сооскин. О набеге литовцев на Сольвычегодск. — Вологодские губернские ведомости, 1887, № 31.

стухах к Великому Устюгу и в дальнейшем после разгрома врага в самом Устюге.¹²

Возникает вопрос, насколько достоверны сообщения «Повести» и, следовательно, какова ее значимость как исторического источника? Следует сказать, что отсутствие определенных сведений об осаде Устюга в 1613 г. в официальных документах того времени: актах, разрядных книгах, летописях (кроме позднейших, источником которых была сама «Повесть») — ставило под сомнение достоверность самого факта.¹³ Однако объяснение такому «молчанию» источников, нам кажется, дать несложно: устюжская летопись в эти годы не велась, а в официальных донесениях — грамотах сообщалось лишь о городах, захваченных врагом и подвергшихся разорению и опустошению. Великий Устюг врагам захватить не удалось, поэтому он и не упоминается в современных этому событию документах, а следовательно, и нет возможности подтвердить конкретные факты «Повести» перекрестными ссылками на другие источники. Тем не менее соответствующая исторической действительности топонимика «Повести» и реальность упомянутых в ней официальных лиц подтверждают достоверность и историчность «Повести».

Проследим за точностью географических названий в связи с ходом исторических событий, изложенных в «Повести». Интервенты двигались на Великий Устюг из Холмогор вверх по Двине. Первый натиск на Устюг, расположенный на правом берегу притока Двины — реке Сухоне, они думали произвести, пройдя по льду реку Стригину (Стрига — левый пригонк Северной Двины). Потерпев неудачу, интервенты пытались узнать о силах противника, послав разведчиков на гору Гляден (в устье реки Юга), где находился монастырь Святой Троицы. После второй неудачной попытки врага овладеть Устюгом ратники Г. Г. Пушкина гнали интервентов по реке Югу до волости Кичменга (в 100 км от Устюга), где враги и были окончательно разбиты. Таким образом, все географические названия «Повести», которые можно проверить, совпадают с топонимикой карты Великого Устюга.

Реальность названных в «Повести» официальных лиц также подтверждается документально: в дворцовых разрядах¹⁴ за 1614 г. записан в Великом Устюге воеводой Михаил Александрович Нагой, а в грамотах устюжан от 1611 и 1612 гг.¹⁵ упоминается Гаврила Григорьевич Пушкин в качестве устюжского воеводы. Упомянутый в «Повести» митрополит Кирилл Завидов действительно управлял в 1611—1616 гг. ярославской и ростовской епархиями, к которым, по-видимому, относился в эти годы и Устюг.

Из фактических сведений, сообщаемых «Повестью», вызывает сомнение начальный момент движения польско-литовских отрядов на Устюг. В «Повести» говорится, что черкасы на Устюг пришли из Холмогор, поднимаясь

¹² В своей статье «Поход черкас» Н. Ардашев указывает следующие города и места, которые подвергались разорению польско-литовскими отрядами при их движении в данном направлении: Вологда, Прилуцкий монастырь, Тотьма, Вельский погост, Сольвычегодск, Устюжские места, а затем Белозерский уезд. Однако все эти события автор, не ссылаясь на конкретный источник, относит к сентябрю—декабрю 1612 г. (ЖМНП, т. 317, 1898, стр. 230—232).

¹³ Н. Ардашев (ЖМНП, 1898, т. 317, стр. 261) предположительно называет Устюг в числе городов, подвергшихся вражескому нападению в 1613 г.

¹⁴ Дворцовые разряды, изданные II отделением собственной его императорского величества канцелярии, т. I. СПб., 1850, стр. 151.

¹⁵ ААЭ, т. II. СПб., 1836, стр. 247, №№ 199—200; стр. 262, № 208; стр. 266, № 210. — Н. Суворов ошибается, предполагая, что в Устюге воеводой во время нашествия польско-литовских отрядов был Никита Пушкин (Н. Суворов. Разорение Вологодского края в 1612—1613 годах. — Вологодские губернские ведомости, 1862, № 29).

вверх по Двине. Согласно нашему предположению, изложенному выше, нападение польско-литовских отрядов на Устюг могло произойти до организованного похода их в составе шведских войск к Белому морю. Н. Ардашев пишет, что с сентября 1612 г. до апреля 1614 г. черкасы прошли всю Северную Россию, причем обошли многие города и посады: Вологду, Тотму, Вельск, Сольвычегодск (и Устюг?) — по одному направлению. Оттуда через Каргополь, Тихвин, Белозерский уезд прошли на Вытегру и, обойдя Турчасов, Емецкое, Холмогоры, Архангельск, Неноксу, Уну и Лузу, достигли Олонца.¹⁶

Все вышесказанное убеждает нас в том, что факт осады Устюга польско-литовскими войсками в 1613 г. вполне историчен, а сообщения «Повести» о ходе обороны и разгроме врага достоверны.¹⁷

Из последней части «Повести» мы узнаем о времени создания и освящения Варлаамовской церкви в Великом Устюге. Сам факт создания церкви мало интересен и исторически значим, но для автора «Повести» этот факт, явившийся следствием (в действительности или по замыслу автора — сказать трудно) предшествовавших событий, послужил одной из побудительных причин, обусловивших создание «Повести». «Повесть» можно было бы назвать храмовой легендой, если бы значение фактического материала в этой легенде и обширное вступление не выходили за узкие рамки ее идейного содержания. Сам автор свое произведение называет «Повестью о избавлении града Устюга Великого»; какое значение он вкладывает в понятие «избавление», мы узнаем из дальнейшего текста «Повести». По мысли автора, «избавление» Великого Устюга от врагов было не столько результатом патриотического подъема устюжан и умело организованной обороны города, сколько результатом божьей милости, оказанной устюжанам за добросовестное выполнение ими христианского долга. Прославление всемогущего бога, православного русского христианства в противовес «безбожным» «литве» и «черкасам», необходимость всеобщей покаянной молитвы, трактовка создания храма в честь Варлаама Хутынского как благодарность богу за оказанную милость — вот основные идеи, которые пронизывают всю «Повесть». Эти сугубо религиозные идеи, а также насыщенность «Повести» пространными молитвами и элементами таинственности (предсказание, видение, загробные беседы св. чудотворцев) в литературном плане роднят нашу «Повесть» с произведениями житийной книжности. Не удивительно поэтому, что в более позднее время, как это было показано выше, составителю Жития Прокопия почти без изменения текста удалось из светской повести сделать житийное «Чудо». Таким образом, в «Повести о избавлении града Устюга» сочетаются характерные для повестей начала XVII в. тенденции правдивого изображения исторической действительности с художественным вымыслом житийного типа.

С другой стороны, содержание «Повести» и время ее создания, связанные с событиями «Смуты», позволяют произвести сравнение ее литератур-

¹⁶ Н. Ардашев. Поход черкас. — ЖМНП, т. 317, 1898, стр. 261 (Устюг назван под вопросом).

¹⁷ Примечательно также, что в более позднее время, т. е. в XVIII столетии, сами устюжане с доверием относились к фактам, сообщаемым «Повестью» и заимствованным из нее автором «Чуда». В северном углу Варлаамовской церкви, на ее западной стене, сохранилась полустершаяся надпись XVIII в., рассказывающая об истории создания этой церкви: «в лето от Р. Хр. 1613 года января 25 дня было нашествие на град Устюг польских и литовских людей: в то время некоторый монах Левкий советовал гражданам соорудить церковь препод. Варлааму Хутынскому для того, что был Прокопию Праведному собеседник и учигель ве...», а ниже: «начаша церковь... и недокончали по той... телей церковь достроили» (А. Попов. Варлаамовская церковь, что в городище в г. Устюге. — Вологодские губернские ведомости, 1881, № 21—22)

ных особенностей с другими уже опубликованными историческими повестями этого времени, и прежде всего повестями, близкими ей по сюжету чудесного видения.

В литературе известно несколько повестей о чудесных видениях,¹⁸ относящихся к «Смутному времени», но в отличие от них в нашей «Повести» видение не является основным сюжетом, на фоне которого разворачиваются последующие события. В «Повести о избавлении града Устюга» рассказ о видении можно назвать скорее эпилогом к рассказу о реальных событиях, связанных с нашествием в 1613 г. на Устюг польско-литовских отрядов. По-видимому, отдавая дань времени и религиозным умонастроениям своих читателей, автор в рассказ о построении храма вводит эпизод видения, бывшего якобы некоему Григорию Клементьеву, «в тонок сон вшедшу». По мысли автора, именно это видение побудило устюжан к скорейшему выполнению обета, данного ими во время нашествия врага. Является ли рассказ о видении в «Повести» полностью художественным вымыслом автора или же отражением реальной попытки представителей церкви добиться построения храма путем воздействия на устюжан слухом о видении, сказать трудно. Нам кажется более вероятным видеть в эпизоде с видением художественный вымысел автора, возникший под влиянием других повестей о чудесных видениях, и прежде всего «Повести о чудесном видении в Нижнем Новгороде». Повесть о нижегородском видении, составлявшая, по словам А. А. Назаревского, «своеобразное приложение к отписке вычегодцев пермичам»,¹⁹ рассылалась в 1611 г. по городам Московского государства. В Великом Устюге узнали о «божьем откровении», бывшем якобы «некоему благочестивому (человеку, — М. К.) именем Григорию», в октябре 1611 г. от ярославцев. В свою очередь устюжане сообщили о содержании «видения» вычегодцам, а те — пермичам, «списав список с тех вестей божия откровения».²⁰

Вполне возможно, что публичное чтение Повести о нижегородском видении было тем реальным фактом, который определил появление сходного эпизода в нашей «Повести». В этой связи примечательно, что имя лица, видевшего видение, в обоих повестях совпадает. Для большей убедительности автор нашей «Повести» добавил лишь фамилию Григория — «Клементьев». Григорий Клементьев поведал о своем видении священнику Григорию (в «Повести» конкретно указана церковь, где последний служил), и тот в письменном послании сообщил воеводе М. А. Нагому о содержании бывшего якобы его духовному сыну видения. «Сие написание» и было прочтено перед всеми жителями Великого Устюга.

Помимо отмеченного нами факта возможного влияния «Повести о чудесном видении в Нижнем Новгороде» на «Повесть о избавлении града Устюга» можно подчеркнуть еще некоторую идейную общность обоих произведений — прославление божьей милости, от которой зависит исход борьбы. В обеих повестях подчеркивается необходимость усердной молитвы и создания храма, однако задачи обоих произведений и их целевая направленность существенно различаются. Повесть о нижегородском видении, написанная в 1611 г., в разгар борьбы русского народа с польско-литовскими интервентами, была предназначена для общерусского читателя и носила в известной степени характер агитационного документа. Наша

¹⁸ «Повесть о видении некоему мужу духовну», «Повесть о видении мниху Варлааму», «Повести о чудесных видениях в Нижнем Новгороде и Владимире» (РИБ, т. 13. СПб., 1892).

¹⁹ А. А. Назаревский. Очерки из области русской исторической повести начала XVII столетия, стр. 133.

²⁰ ААЭ, т. II, стр. 247, № 199.

«Повесть» создана после победы над врагом, содержание ее определялось местными интересами и носило назидательный характер. О таких исторически общезначимых понятиях, как единение русского народа и христианское смирение, т. е. прекращение междоусобиц, в «Повести о избавлении града Устюга» говорится лишь мельком.

В целом «Повесть» представляет собой оригинальное произведение, автор которого, по всей вероятности выходец из духовной среды, был образованным человеком, хорошо знавшим книжную литературу и русскую историю. Первая, вступительная часть «Повести» написана в форме историко-правоучительного введения, по-видимому на основании поздних летописных текстов (Жития Федора Ивановича, Утвержденной грамоты 1613 г., Хронографа и др.). Вторая и третья части включают правдивый исторический рассказ, составленный по воспоминаниям участника событий или на основании современных этому событию записей не ранее 1616 г.,²¹ предположительно в 20-х годах XVII в., поскольку наш список относится к 30—40-м годам. Исторический рассказ сочетается с художественным вымыслом (предсказание, видение, беседы святых чудотворцев, чудеса), сближающим нашу «Повесть» с произведениями житийного типа и отражившим настроения, характерные для возбужденного воображения и религиозной экзальтации русского человека в тяжелые годы «Смуты».

Литературный стиль и язык «Повести» по сравнению с другими ранее опубликованными повестями «Смутного времени» более демократичен и приближается к простому разговорному языку.

ТЕКСТ

Повесть о избавлении града Устюга Великаго от
безбожные литвы и от черкас как з Двины шли

Благословен господь бог израилев, бог православных христиан, яко посети и наказа и сотвори избавление людем своим града Великаго Устюга, исправи бог всесильною его державною^а десницею; просия благодать во
 а 97 об всей Ру||стей стране и церковь божия с крепостию утвердися и просия яко солнце. Отнеле же, прия святое крещение первый благоверный великий князь Владимир киевский и всеа Русии в лето 6496 и всех нас обрати от неверия в православную истинную непорочную христианскую веру греческаго закона, и соединил во Христове имени тое стадо, и во крещение введе, и оттоле Руская земля верою еже к богу и добрым опасанием благоверных великих князей и крепце обдержася. Слово ж божие паипаче, обтекая во вся окрестныя страны, иж в неверии вера пребываваста, яко благодатию божиною истинная православная христианская просветись вера в Рустей земли посреди всех иных вер, яко солнце посреди небеси.
 а. 98 И тако распростири бог и прослави Рускую || землю, яко многим странам дивитися и завидидити прославлению ея и разширению; и многия неверныя царствующая грады, преславныя места восхотеста быти под властию российскаго начальства и утвердистась, яко и царие их и их царские господские дети, кийждо от своих стран, и князи начальствующии,

²¹ Эту дату позволяет установить тот факт, что М. А. Нагой был воеводою в Великом Устюге до 1616 г. (А. Барсуков. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902, стр. 260), а в «Повести» по отношению к нему автор употребляет выражение, характерное для прошедшего события. «В то же время держа град Устюг.»

^а *Испр., в ркп. дервно*

и множество и простых людий возжелеста^б быти в нашей православной христианстей вере и прияста святое крещение, и служиста нашим великим государем Российския земли, бе бо по изволению царя царствующих и небеснаго царя Христа бога нашего. И по приятию царствующих градов и по приходе ко святому крещению в православную христианскую веру северных царей и царевичев, || и многих государских детей под державу и власть государей наших благоверных великих князей изволи бог облещи в царскую порфиру и венчатися царским венцем и диядимому государю нашему благоверному великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси. И бысть на Владимирском и на Московском и на всех государствах Российския области царь и великий князь Иван Васильевич всеа Великия Росия самодержец и многих царственных градов и преславных мест инех вер и обладателю. И по нем царствова сын его государь наш и великий князь Феодор Иванович на всей велицей Руской. При сем же наипаче господь бог наш подаде во всю Рускую землю тишине и благоденствие и покой его царскими молитвами и трудолюбным житием, бе бо доброправен зело и милостив, || и смиреномудрием исполнен. Брату ж его царевичу Димитрею Ивановичу младу сущу осми лет на Угличе убиенну бывшу по действоу дияволю, дерзостию ж ищущих властолюбия. Потом же государю нашему царю и великому князю Феодору Ивановичу всеа Руси преставльшуся и отиде жития сего суетнаго в вечное блаженство и покой, той ж корень царский пресечеса, яко семени царскаго, сиречь отроду от царя и великаго князя Феодора Ивановича всеа Росии не остася. Множества ж народа, синклиту, даж и до последних вси православнии християне от царскаго града Москвы и во всю страну Рускую по всем градом и весем,^в вкупе стицахуся, жалостно рыдаху и многия слезы испущаху, яко царский корень пресечеса и благословенное семя изсякну, яко || от их благородства познахом истинную православную непорочную христианскую веру и прияли святое крещение. Сего же благовернаго и христоролюбиваго царя и великаго князя Феодора Ивановича всеа Росии кротостию и смирением, и теплою верою, и молитвами по всем градом его царския державы пожихом в тишине и благоденствии, и во всячем покое, и от всех стран в похвалении. По сем же прият царство шурина царя и великаго князя Феодора Ивановича всеа Росии Московскаго государства боярина Борис Федорович, зовомый Годунов, и царствова в Росии седмь лет. Искони же ненавидяй добра роду христианскому враг деи лукавый диявол, его бо наветом благоверный царевич Димитрий Иванович на Угличе от властолюбивых || человек убиен бысть. Той ж вселукавый, устроив на таковых противников навета своего, вселився в некоего чернца именем Григорья, по преступлении ж рекомый Гриша, иж был в миру Юшка Богданов сын Отрепьев. Той бо чернецъ, живяше во граде Москве и по иным градом преходя, по многим монастырям пребывая. Егда ж вселися в него диявол, он же сошед в Литву и сложив с себе ангельский образ и паде в прелютую ересь, и назвася именем благовернаго царевича Димитрия, ижо убиен бысть на Угличе. И положив с польскими и с литовскими людями совет, их к себе пособием прием на приятие царскаго престола и обладание Руския земли, на себя ж дав им крепкое написание, яко, егда желаемая получит, да приведет всех || православных християн в латинскую веру и в римскую, папешство вся устроит. Но что много глаголювкратце реку: мщенне крове благовернаго царевича Димитрея повинным вскоре предадеса. Той ж богоотступник и еретик, бывшей чернецъ Гришка Отрепьев, лукаваго коварства польских же и литовских людей по-

^б Испр.; в ркп вожжелеста.^в Испр.; в ркп. весей.

- маганием, всех же православных христиан непознанием, прият царство всеа Руския земли, — вси бо прияли его, не ведая вражия ловления и коварствия, мнеша бо его истиннаго благовернаго царевича Димитрия углицкаго, и царствова 10 месец. Всещедрый ж и премилостивый бог наш не попусти таковаго врага на долго время и не восхоте церкви своєю разрушати и православныя веры искоренити. || И вскоре яви его преступление
- а. 101 всем людем и ангельскаго образа отвержения, и на святыя божия церкви тщетное суетное востание, и гонение на православную непорочную христианскую веру и душу его зле испроверже. Всегда же ратуемыи на нас враги дияволи, искони ненавидя добра роду человеку, возмушая народы друг на друга, прельщая и во безаконие поревая и оттоле наипаче начат прельщати многи человеки. Яко отхожаху в дальныя грады, называхуся тем же именем благовернаго царевича Димитрея и приема с собою, и призывая многих безумных и несмысленных¹ человек, паче же польских и литовских людей. И хожяху по Руской земли и по многим градом, и весем, яко лет шесть, || и святыя божия церкви разоряху, и святым иконам ругахуся, и губяху люди, и проливаху кровь яко воду, и пленя и пожигая, и пусту землю творя, и не жалуют юности и не ждут старости, и всячески и непрестанно стужая нам, и зло творя, и желая конечному погублению предати нас. Ибо тии люторы и ляхи, польские и литовские люди, есть же и руские, иже богоотступники и враги креста Христова, Михайло Салтыков с товарищи, и с ними соединився и преступив крестное целование и мирное стояние и царствующий град Москву до конца пожгоша, всенародное же множество мечю предаша. По всей же Русстей земли хожаста
- а. 102 воюя || и пленя, и пожигая, и мечю предавая, и промчеса их такое необузданое стремление до моря-акяна. Есть же близ моря-акяна град, зовомый Колмогоры, и оттоле возвратистася в Рускую землю лета 7121 году, и пойдоста вверх по Двине реце, рыкая вельми, яко люты зверис, и хваляся зело, на град Устюг. В то же время держа град Устюг от царьскаго синклита боярин и воевода именем Михайло Александрович, зовомый Нагово. Он же, услышав польских и литовских людей сверепое стремление на град Устюг и вскоре созва вся старейшины градския богатыя и убогия, и вся
- а. 102 об. православныя христиане, и возвести им, яко близ || есть польские и литовские люди и како яряся сверепствуют и хвалятся на град Устюг. Всеи ж гражане, слышавше сия, воскричаще вельми со слезами ко всемилостивому богу и пречистей его матери, прося помощи и заступления, и призывая на помощь устюжских чудотворцов Прокопия и Ивана, и устремившася вси единодушно к совету боярина и воеводы Михаила Александровича. И начаша ставити круг града Устюга острог по прежней градской осыпи и круг посаду, донеле же захватиша соборную и апостольскую церковь пречистыя богородицы честнаго и славнаго ея успения, в ней же стояше чудотворная икона пречистыя богородица честнаго и славнаго ея
- а. 103 Оде || гитрея, пред нею же горяше свеча неугасимая день и ночь безпрестани. Тако же и у праведных чудотворцов блаженных Прокопия и Ивана церкви заградиша в острог. И строяху накрепко и пушки и пищали, и вся бранная оружия по забралом и по местом готовляху, и посылаху против польских людей и многия гонцы проводывая, дабы они зли враги наши напрасно внезапно не нашли на град Устюг, и тако пребываху со всяцем опасением. В то же время прилучися во граде Устюзе пребывати божию рабу, некоему пришельцу, мнуху безмолствующу именем Левкее, яко написанием познася
- а. 103 об. имя его. Той ж безмолвник, изоострив язык свой и глас уяснив, || проповеда сему народу нахождения инаплеменик, за избавление града обещатись

¹ Испр; в ркп смынных.

поставити храм единого дни собеседника блаженнаго Прокопия великаго в чудесех преподобнаго и боиноснаго отца нашего Варлама Футьнскаго, навогородскаго чудотворца, поне же той бяше преподобный в житии сем блаженному Прокопию о святем душе был велий собеседник и учению поставник ко исправлению вож. Отголе даже и доднесь образ преподобнаго Варлама со блаженным Прокопием написуют на единой иконе. Храма же сицеваго преподобнаго во граде Устюзе не обретеса. Людие ж, слышавше сия глаголы от божияго раба, от безмолвника мниха Левкия, || ^{а. 10 4}воздаша хвалу богу, давшего ему о сем разум, и помянуша, яко таков был бяше блаженный Прокопий в житии сем собеседник преподобному Варламу, иногда бо в мале часе времяне в великом и славном Новеграде обреташеся и приходаше ко преподобному и великому чудотворцу Варламу на Футьню пользы ради душевныя и друг ко другу беседоваста, беста друга бо о святем душе, и благословение от него приимаше и тако обреташа во своем граде в Велицем Устюзе, яко ж второй пророк Аввакум от Иерусалима с пищею обретеса в Вавилоне Данилу пророку и паки во Иерусалиме. И посем вси людие единогласно рекоша и даша обет великому и ^{а. 104 об}многочудесному преподобному || чудотворцу Варламу, яко вскоре поставити храм его и вся служебная устроити, да тако же не оставит собеседника своего блаженнаго Прокопия и ускорит приити духом милости от Великаго Новаграда, и способствует другу своему избавити град Великий Устюг и люди в нем живущая от нахождения инаплеменник. Искони ж ненавидий добра роду христианскому враг вселукавый диявол, видя жестовство люди града Устюга и утвердиша надежду на всецедраго и многомилостиваго господя нашего Иисуса Христа и на пречистую его Божию мать, и на устюжеских чудотворцов Прокопия и Ивана, и возло^{а. 10 5}жиша упование на многочудеснаго преподобнаго чудотворца Варлама, и вскоре враг, водружив ⁴злых иноплемянников польских и литовских людей на град Устюг, дабы не успели обещанного храма преподобному сотворити.^с И внезапно генваря 25 день, на память иже во святых отца нашего Григорья Богослова, свирепыя иноплемянники, яко лютии зверие приспеша ко граду Устюгу. Егда ж быша от града, яко пять поприщъ у села, еже зовомо царя Констянтина, и урядиша полки своя на брань и напрасно удариша кони своя да вскоре своим стремлением устршат и восхитят град Великий Устюг со множеством народа, и домчашеся до малые реки, зовомыи Стригины. || И у тое реки вся кони их напрасно стаха и не пойдоста ^{а. 105 об}на лед ко граду. Они же начаша без милости кони свои бити и томишася на долго время, и никако ж кони их за ону реку не пойдоста, яко возбрани им невидимо некоторая божия сила молитвами пречистыя богородицы и преподобнаго Варлама и блаженных Прокопия и Ивана, сице же вож божие милосердие. В той час некто людин ис тово села именем Евдоким поведя болярину и воеводе Михаилу Александровичю и всему народу, яко скрившуся ему в тайне месте и зрящу на иноплеменных и на вся еже на них бываемая. Они ж возвратишася от тоя реки в то же село || ^{а. 106}и стояше на долг час, вопрошая вождей своих, и пойдоста от града ко стране за великую реку зовомую Двину. И об он пол реки тоя начаша приближитися ко граду и отпушаху от себя резвых людей, дабы им зажегчи посадные дворы, которые не в остроге. Людие же, гражане конные и лыжные ходоки, не припушаху их и далече отгоняху. Егда же вся они зли иноплеменницы приближишася к великому граду Устюгу, тогда же болярин и воевода Михайло Александрович и старийшины градския отпустиша против их царьскаго же синклита || воеводу Гаврила Григорьевича, зовомый Пуц- ^{а. 106 об}

⁴ Так в ркп. ^с Испр.; в ркп. сотвори.

кин, с ним же мнози люди гражене, конницы и пешие, иже на лыжах хожяку, изыдоста со оружием, моляся богу^ж стенаньми многими о сохранении града Устюга. Оставши же християне во граде с боярином и воеводою с Михаилом Александровичем по забралом острога стояху, готовляхуся ко брани со всяцем оружием противу иноплеменник. Соборныя же и апостольския церкви пречистые богородицы честнаго и славнаго ея успения протопоп и попы и диякони и от всех храмов сошедшеся в соборную церковь и множества народа, старии и юнии, черноризцы и черноризицы, ||

л. 107 и вземше чудотворный образ пресвятыя богородицы с превечным младенцем честнаго и славнаго Одигитрия и с честными кресты, и образ блаженнаго Прокопия, еже написан на единой иконе с преподобным Варламом, також образ Ивана праведнаго, и хожаста по забралам острога, воздающе молебная пеня. И вси припадающе со слезами умильно вопияху: «О, пречистая госпоже, дево владычице богородице, вышеси еси, госпоже, ангел и архангел и всеа твари честнейши, милостию своею, госпоже, спаси и помилуй, избави, госпоже, град сей от нахождения инаплеменник, и нас грешных раб своих избави от огня и меча и напрасныя смерти от лютых человекоядцев,^з и отврати, госпоже, всяк гнев подвизающись на ны праведный ||, и посети ны, госпоже, милостию своею, мир, здравие подаж и нам, благоволением и благостию единородного сына твоего и бога нашего Иисуса Христа». Тако ж призываху на помощь прилежно многочюдеснаго чудотворца Варлама и блаженных Прокопия, Ивана, да будут граду своему помощники, да не предадут,^и избавят людии своих от нахождения иноплеменных. Егда ж приидоша ко всемилостивому спасу честнаго его образа нерукотвореннаго и чудотворнаго, еже древле на стене бяше поставлен градной над враты на сохранение граду, к нему ж издавна обычей имяху людие града Устюга во все лето два дни, в среду и в пяток, приходитъ весь освященный собор и вси людие с чудотворным образом пречистыя ||

л. 108 богородица и блаженных чудотворцов и честными кресты, и пояху молебная о благоверном царе и о всей полоте и о всех его и прошаше милости о дожде и о ведре, и о умножение плодов земных. К сему и ныне пришедше и прикрыша лица землю, и очи свои возведше горе, и руже свои воздев на высоту со слезами вопияху, глаголюще: «О, владыко человеколюбче, всесильный Христе царю, прими нас грешных раб своих, припадающих к тебе, не предаждь нас, господи, в руже врагом нашим, сокруши силу их, рассыпли совет их, угаси прещение их, низложи возносимую гордыню, да не хвалятся о нас враги наши, и да не рекут глаголюще нам: „Где есть || бог их?“ — Ты бо еси бог наш и мы людие твои, и к тебе припадаем и молимся, и просим: сотвори с нами по милости твоей, отпусти грехи наша и помилуй нас, твои бо есьми раби, даяя не постыдим, и да не на долзе умножится злоба дияволя губителя душ наших, и да не порадуются о нас враги наша, виждь немощь нашу, и послани нам в помощь благодать твоя во отгнание врагов наших и во избавление граду твоему и нам рабом твоим, уповающим на тя, яко имя тебе человеколюбче». И вси вопияху со слезами: «Господи, помилуй». Милостию же и щедротами всесильнаго и в троицы

л. 109 славимаго бога и пречистыя || его божия матери, и великих чудотворцов молитвами в той час людие-гражане, конники и пешцы, сходяся со иноплеменники и многих человек пленников и коней от них похватиша, их же

^ж ГБЛ, собр. Ундольского, № 362, лл. 170—170 об., в «Чуде» далее следует текст и паки поимаша наши пешие лыжники онаго пана, иже хотяще зажещи монастырь живоначальныя Троицы, еже есть на Гледене, и тогда скоро его яша и повелоша его во град пред воеводу и начаша его мучити. Он же поведае им, неведемы каков бе град и каковы люди в нем. И скоро его смерти предаша и извлекше его вне града псом на сядение

^з Испр.; в ркп. человек и ядусв

^и Испр.; в ркп. подадут.

самех вельми устрашиша, яко отъидоша от града в весь, зовому Алмешь, и обночевастася по селом, об он пол рек глаголемых Югу и Сухоны, еже ти обе рече ту здвигнушася^к вместо, и оттоле поиде и до моря окияна река, зовомая Двина. Они ж стояше ночи тоя, пожигая дворы, показуя пристрасти гражаном. Людие же во граде во всю ночь без сна пребываху: ови священники по святым Божиим церквам молебная пения ко всемилостивому || богу и пречистой его Богоматери, и преподобному Варламу, и ко л. 109 об. блаженным чудотворцем Прокопию и Иванну о избавление града от иноплеменик со слезами приношаху, ови же по забралам острога стояху, стрежаху со опасением, инии же просяху у бога помощь. Тоя же нощи прихожаху к селом, иде же злии они иноплеменицы стояху, и хватаху их стражей пленников и много коней от них восхишаху, их же вельми устрашаху, не дадуше им покоя во всю ночь, яко пребегати им от села в село. Бе бо бысть в то время мраз вельми студен зело, еже милостию || божиею л. 110 к нам, им же врагом нашим в скором нашествие на град Устюг, яко рукам их иззябнути и не мощи им оружиими своими крепко владети, мрза ради и дальнаго ради прехожени пути, и люте рыкающе им, яко едва огребаются, бегающе по селом. Утру же бывшу, светающе дни, ти зли враги наша, польские и литовские люди, послаша от себя многих людей на гору, зовому Гледень, к монастырю пресвятыя и живоначальныя Троица близ града Устюга, дабы им осмотрити накрепко град Устюг з горы тоя и уловити бы человека от гражан, дабы уведати крепость острога и колико люди в нем, и какова бранная оружия, || и что устроение людем к ратному л. 110 об. делу, и хотяху зажеч монастырь пречистыя и живоначальныя Троица. Всещедрый же и премилостивый бог наш, вемы бо молитвами пречистыя его матери и преподобнаго отца нашего Варлама и блаженных чудотворцов Прокопия и Иванна, не восхоте предати на смеяние и на поругание, и на осквернение злым иноплемеником святых Божиих церквей и честныя и чудотворныя иконы свояя божия матери пресвятыя богородица, честнаго и славнаго ея Одигитрия и святых мест, иде же лежаху блаженнии чудотворцы Прокопие и Иванна, и изволи помиловати град Великий Устюг и люди, в нем же || живущая, избавити от иноплеменик, не хотя смерти л. 111 грешником, но ко обращению от грех приводя, яко же речено^а пророком Давидом: «Посещу жезлом беззакония их и ранами неправды их; милость же мою не разорю от них». И предаде в Литву самех ловящих, яко они зли, и не улучиша обрести в руках своих от искомых никого же, и монастыря пречистыя и живоначальныя Троица зажечь не успеха. Нецци же людие от гражан ухватиша у них единого пана от совета их близ монастыря, прочии же разбегошася к полком своим. Сего же, егда приведоша во град и по многих воспросех и от него по ответех уведаша, яко вси оне злии иноплеменицы страха и ужаса || исполнени, мыслят бо и не ве- л. 111 об. дят, чго сотворят граду Устюгу или камо пойдут и како путь обрящут. Болярин же и воевода Михайло Александрович и старейшины градцкие и вси людие совет положиша. И вскоре на них отпустиша воеводу Гаврила Григорьевича Пушкина и с ним множество людей, урядив полки со всяцем бранным оружием. Егда ж они поидоша и вскоре прибегоша вестники во град, яко прибегоста к начальником своим тии иноплеменицы, еже желаемаго от града не улучиша, но от самех их гражане не единого ухватиша от сонма их перваго от начальников же их советника. Они же ужасошася, || яко не уведаша градскаго совета, их же шатание во граде л. 112 объявленно бяше. Егда ж услышаста, яко идет на них воевода и с ним множество людей и помянуша, яко не поидоста кони их за ону реку Стри-

^к Испр., в ркп здвигнушася ^а Испр., в ркп рече

- гину ко граду Устюгу, и како с ними сходяся людие гражане и многих людей и коней от них похватаху, и како тоя noci воеводы ту не бе и множество людие не дадоста их покоя во всю ночь, яко убегати им. Нападе на них страх и ужас и трепет объа их, и побегоста от града Устюга лесы и непроходимыми месты, иде ж обрящут дома православных христиан, ||
- л. 112 об. ту без милости божия пожигая, самех же христиан обсекая и мечю предавая, и скоро течаху вверх по реце по Югу. Егда же добегоша до волости, еже зовома Кичменская, тамо ж бо мнози людие: ови противу их сташа, инии ж вслед их туды гоняше. О, человеколюбия божия, о, милосердия владычня, кто изочтет глубину милости божия! Яко ту их^а поляков и литовских людей самех больши пятисот убиша, а иных их живых ухватиша. Пленников же русских людей, иже по многим градом и весем пленены
- л. 113 быша, сих бо до трео сот живых от них улучиша. Оставшии ж || злии иноплеменницы напрасно в бегство устремишася и побегоста на большие лесы, стоят бо на сто поприщ и больши, досяжут до галицких градов, оттоле же они от Устюжеския земли без вести быша. Всеи ж людие града Устюга и окрестныя веси собращася во град и разумеша избавление града и многия радости исполнишася, рече свои воздевая на высоту, воздаша хвалу всесильному и в троицы славимому Христу богу нашему, яко не отвратися создания своего вконец, ни забы дело рук своих, забывив град свой Устюг и люди в нем живущая от нахождения иноплеменник, от злых ||
- л. 113 об. поляков и литовских людей, молитвами пречистыя своея матери и угодников своих преподобнаго Варлама и блаженных Прокопия и Иванны. Есть же от града Устюга яко двадесят поприщ по реце Югу до устия реки зовомыя Лузы, ту же между обема рекама стоит церковь всех святых. От тоя же церкви иерей именем Григорей посла написание за своею рукою к боярину и воеводе Михаилу Александровичю и ко всему народу, яко некто христиан, именем Григорей и зовомый Клементиев, уже бо много летну ему и добродетельну сущу, ему ж, иерею, сын духовный баше, и
- л. 114 поведе ему, яко марта || в третий на десять день, идущу ему от града Устюга в весь, иде же пребывает, а егда ж бывшу ему на южском лесе и внезапно нанде на него мрак и уды его разслабеша. Ему ж, укрепляющуся стоящу, и не возможе стояти, яко и жезлу от руку его отпасти, и нозе его подогнувшеся, ему же, павшу и в тонок сон вшедшу, и слышавшу неких глаголавших к нему: «Иди, человеце, и повеждь во граде боярину и воеводе Михаилу Александровичю и гражаном, и Южеских волостей добродетельным человеком, что всещедрый бог, многомилостивый бог наш,
- л. 114 об. подаде им помощь побити многих польских и литовских || людей, а иных от них живых изымаша иноплеменников и русских же пленив отгнаша. Они же бы хвалу воздавали всемогущему богу и пречистой его матери и святым мужем угодником его, сами ж бы в гордости похвалою не возвышались. Ови ж бо людие прилежно со иноплеменники бишася, инии^б же по них хожаху от мертвых имения возхищаху.^в О сем же бы вражды и крамолы между собою не удержали и гневом не распаялися, яко от подающаго нам бога вменится и сеи невидимо и подастся яве, мы ж, бо глаголюще ти, Прокопие и Иван, иже уродствовахом Христа ради во граде Устюзе, и
- л. 115 преподобный Варлам чудотворец ||, пришед от Новаграда, способствует нам. Ныне же шествуем ко граду Устюгу возвратившеся с победы еже на иноплеменник, и престаша глаголати». Он же Григорий пробудився от сна и скоро воспрянув тече в путь свой, радуяся, яко виде таковое преславное чудо и прослави бога, и пришед ко отцу своему духовному и поведе ему сия во церкви, то же и мнозем людем предстоящим. Слышаху боя-

^а Испр.; в ркп. иж.^б Испр.; в ркп. ин.^в Испр., в ркп. возхищаху.

115

17

||

21

10

7

14

II

m

(, . . . 51, . 97 .—118).